

Можно тебя в неурочный час?

Дарсия Давенпорт

Несмотря на то, что это была откровенно глупая идея - пойти и вывалить на голову Стефано всё, что у неё делалось в беспокойном маленьком сердце, расписать в ярких красках, чтобы её проблема стала и его проблемой тоже, - Дарси в эту идею вцепилась даже где-то с наслаждением мазохиста. В том числе, потому, что в голове невольно бродили радужные картинки, живописующие, как всё сразу после этого станет хорошо, и вот они явно ничего общего с реальностью не имели, но выкинуть их из головы никак не получалось. Отчасти Дарсия уступала им, отчасти - её только что не рвало на куски такое безумное желание наконец выговориться, что все советы Маргариты рядом с ним блекли, теряли вес и забывались.

Некоторое время девочке не везло - Стефано постоянно ходил с кем-нибудь рука об руку, практически не оставаясь один, а просто подойти и куда-нибудь его увести Дарсия стеснялась. И в этот раз, казалось сперва, опять не повезло - когда Дарси заметила Стефано возле гигантского дуба, юноша там был опять же не один, а вместе с Эйнарсом, и они о чем-то сосредоточенно размахивали руками. Девочка рискнула затаиться и попытаться немного подождать, и риск себя оправдал - Эйнар довольно быстро ушёл. Дарси для верности подождала ещё немного, чтобы удостовериться, что норвежец не вздумает вдруг вернуться, а потом сама решительно выскочила к огромному дереву.

Впрочем, даже разговор, который сейчас казался ей Самым Важным в Жизни, Дарси начала издали, осторожно сказав: - Стефано, привет. Я тебе не помешаю? Мне с тобой поговорить надо. Очень. Можно?

Стефано Грассини

Вокруг огромного дуба, который выглядел так перспективно и многообещающе, Стефано пока по-прежнему крутился впустую, не в последнюю очередь благодаря Эйнару. Сосед сперва сам первый подал мысль об этом дереве, а теперь сам же и передумал, начав уверять, что эта затея дохлая, дурацкая, мертворожденная и всё такое прочее. Стефано же, наоборот, как раз казалось, что идея хороша, чем дольше юноша о ней думал, тем сильнее казалось. Поэтому Эйнар, покритиковав немного, заметил, что никто к его критике не прислушивается и ушёл, предоставив Стефано "дальше ломать шею одному". Стефано же совсем уж было собрался попробовать залезть на дерево, чтобы выяснить, под силу ли ему это вообще и не обломаются ли все его широченные планы ещё на этом, самом первом этапе, когда рядом внезапно объявилась жаждущая разговора Дарсия, и пробы с лазанием по веткам пришлось отложить.

- Привет, милая, - привычно и ласково откликнулся Стефано, хотя по бледному и решительному лицу Дарсии уже догадывался, что разговор у них состоится вряд ли такой же миролюбивый и нежный, как обычно бывало. Не подавая виду, что выражение лица девочки его настораживает и даже тревожит, Стефано невозмутимо кивнул: - Не мешаешь, ничуть. Я внимательно тебя слушаю. О чем ты хотела поговорить? - Судя по мрачно-решительному лицу девочки, разговор предстоит не из лёгких. Причём, очень может быть, не только для самой Дарсии, но и для Стефано тоже.

Дарсия Давенпорт

Дарси бегло коснулась кончиком языка внезапно пересохших губ, понимая, что в один миг растеряла все заранее заготовленные слова и теперь не представляла себе, что собирается сказать. Ласковое "милая" её прострелило, снова расцветая в груди теплом, и девочке отчаянно захотелось поверить, что Стефано она с той рыжей девицей на самом деле и не видела никогда. Что это ей показалось, или во сне привиделось, или ещё что-нибудь такое.

Но вот ведь в чем беда - видела, своими глазами видела, и этот факт был слишком тяжеловесным и реальным, чтобы о нем можно было просто забыть, как о ничего не значащей мелочи.

Осторожно переступая через раскидистые корни дуба, Дарси подошла поближе, ощущая предательскую, ватную слабость в ногах, особенно в коленях. Так и казалось, что колени вот-вот согнутся, как у плюшевой игрушки, и больше уже не выпрямятся. Или что на этих ватных, заплетающихся ногах девочка вот-вот споткнется и упадёт, именно тогда, когда больше всего требуется быть красивой, серьёзной и грациозной. Однако же, чудом не споткнувшись и не свалившись по дороге, Дарсия подошла к Стефано почти вплотную. Расправила плечи, ощущая себя так, будто идёт на казнь, и отдельно, тяжело выдохнула ставшие вдруг неподъемными слова: - Я - тебя - люблю.

И слова эти, в мыслях всегда так похожие на песню, наяву вдруг прозвучали почему-то ужасно. Дарсии показалось, она саму себя только что убила этими словами.

Какой ужас, это же надо было так впрямую ляпнуть, нет, всё-таки она ещё совсем маленькая и с парнями разговаривать совсем не умеет.

Стефано Грассини

Когда девочка двинулась навстречу Стефано, у неё было такое лицо, словно она поднимается на эшафот, не меньше. И через пару секунд положит голову под лезвие гильотины, и жизнь её на этом кончится.

И даже когда юноша услышал обращенные к нему слова - хоть он и охотно верил в то, что эти три несложных слова дались девочке непросто, он всё равно не понимал, почему Дарсия произнесла их с таким отчаянным лицом.

- Я знаю, малыш, - виновато отозвался Стефано - удивиться сейчас означало бы солгать. Скрывать свои чувства Дарсия не умела, а может, и не пыталась, и её влюбленность была отчётливо написана у неё на лице, легко читалась в сияющих глазах. Неспроста же Ирине понадобилось от силы минуты три, чтобы обозвать Дарсию "поклонницей" - знатоком человеческих душ и сердец Ирина вряд ли когда-либо была, но даже для неё это особой загадкой не стало.

Сейчас же, услышав признание Дарсии, лишний раз подтвердившее уже довольно давно сформировавшуюся догадку, Стефано ощутил себя насквозь виноватым - странное ощущение, неприятное и даже где-то мерзкое. С одной стороны, юноша трезво понимал - в том, что он не влюбился в ответ в пятнадцатилетнюю девочку, ничего позорного или предательского нет и быть не должно, вот если бы он сейчас умудрился всерьёз увлечься Дарсией, тогда к нему были бы большие вопросы и не менее большие претензии, наверняка в первую очередь - со стороны матери девочки. Но при этом, с другой стороны, когда Стефано видел лучащиеся восхищением глаза Дарсии, он испытывал лёгкий укол вины от того, что умудрился вызвать у девочки такое яркое, сильное чувство, а теперь сам же никак не может на него ответить. И теперь, когда влюбленность обрела для девочки явственно мучительный характер, это в чем-то иррациональное чувство вины только крепло и

усиливалось. Стефано осторожно коснулся плеча Дарсии и всё так же виновато повторил: - Я знаю.

И никакого понятия не имеет, что ему теперь с этим знанием делать, вот где главная беда.

Дарсия Давенпорт

- Давно знаешь? - встревоженно спросила Дарси. В первый миг её беспокоило только это - оказывается, то, что она крепилась, неукоснительно следовала совету Маргариты и не признавалась, не играло никакой роли, потому что Стефано всё равно обо всём узнал. Наверное, он догадался тогда, у жилых корпусов, из-за того поцелуя, подумала Дарси, лихорадочно соображая, где и чем она могла себя выдать. А может, и ещё раньше, когда она обнимала его у столовой. Непонятно. Девочке казалось, что она себя выдала миллион раз. А потом Дарси вдумалась в слова Стефано чуть сильнее, чуть глубже - и вообще похолодела.

Он знал, что я его люблю, и ему было всё равно. И он влюбился в другую, и позволил мне об этом узнать.

- Тогда послушай ещё, - сказала Дарси, готовясь залпом вывалить остатки своего горя. - Я видела тебя с той рыжей девушкой. Ирина, да? Я знаю, что вы с ней... ну, что вы вместе, - стеснительно сказала девочка, так и не решившись выложить своё знание впрямую. Дарси горестно обняла себя руками и отчаянно сказала: - Я так и знала, что ты влюбишься в какую-нибудь девушку раньше, чем я вырасту и стану взрослой. И я думала, я смогу это понять и как-нибудь принять - но её я совсем не понимаю! Почему именно она, ну почему? Объясни мне!

Стефано Грассини

- Относительно давно, - обтекаемо сказал Стефано, не вдаваясь в подробности. Он был не уверен, что девочке станет легче, если начать эти подробности растягивать и смаковать, и потому решил, что более правильным решением будет промолчать и посмотреть, в какую сторону разговор свернет дальше. Может, эти детали и вовсе не пригодятся.

Детали действительно негодились, но к тому, что Дарси сообщила следом, Стефано оказался совершенно не готов. Теперь настал черёд юноши похолодеть, задаваясь сотней вопросов - как так вышло, почему видела, много ли и зачем она вообще это видела, маленькая отважная девочка? К Стефано снова вернулось острое чувство предательства - оказывается, эта игла из груди никуда не исчезла, только временно перестала ощущаться, а теперь, раскалившись докрасна, напомнила о себе с новой силой.

- Меня к ней тянет, - осторожно сказал Стефано, выдавая новый обтекаемый ответ. Вот сейчас от расписывания в подробностях достоинств Ирины девочке точно не стало бы лучше, сейчас любые детали были бы убийственно лишними. Юноша осторожно спросил: - Когда ты видела?... - до последнего надеясь, что Дарси всё-таки говорит не о том, о чём немедленно подумал сам Стефано, что она всё-таки имеет в виду какую-нибудь их с Ириной более невинную встречу, хотя шансы на такой исход, кажется, умерли в муках ещё до того, как этот вопрос прозвучал.

Дарсия Давенпорт

Тянет, значит.

Дарси горестно вздохнула - в слове "тянет" было что-то неумолимое, неоспоримое, с

чем тягаться было невозможно. На слово "красивая" можно было ответить, пообещав вырасти и стать ещё более красивой, "яркая", "умная", "смелая" и что там ещё можно попытаться придумать, всё это тоже были аргументы, на которые Дарси могла попытаться ответить и как-то их убить. А что поделаешь с вот этой силой притяжения, которая либо есть, либо нет, и непонятно, как её можно добиться?

- Да тут, в жилом корпусе видела. Дежурить вы, что ли, сначала, пытались, а потом закрылись в комнате и давай, - убито сказала Дарси, отворачиваясь от Стефано и утыкаясь лбом в широченный ствол дуба. Девочку тогда просто оглушил, почти растоптал поцелуй молодых людей, и Дарси помнила, что она пугливо зажмурилась, надеясь, что это наваждение сейчас сгинет, а когда решилась открыть глаза - молодые люди, уже полураздетые, целовались ещё неистовее. Девочке только и оставалось, что убежать прочь, давясь неумелыми щенячьими рыданиями. И даже сейчас, когда она вспоминала об этом, глазам становилось горячо, и ей казалось, у неё вот-вот разобьется сердце и разорвет её изнутри.

- Я не могу от тебя уйти, - призналась Дарси, цепляясь трясущимися руками за шершавый ствол дерева. Хотя, казалось бы, по уму - надо уходить, и пытаться как-то забыть это всё, чтобы успокоиться. У Дарсии же просто ноги не шли, и в душе она всё ещё продолжала надеяться на какое-нибудь чудо. - Не могу уйти. Я всё равно тебя люблю.

Стефано Грассини

Дарсия рассказывала, и у Стефано бы просто язык не повернулся перебить её и сказать, что за чужой личной, а уж тем более интимной, жизнью подглядывать вообще-то нельзя и невежливо, и всё в таком духе. Девочка и без того казалась едва ли не полностью раздавленной своим горем, и попытки отчитать её наверняка сделали бы только хуже.

Боже, это ведь для неё и вправду горе, да ещё такое, которое словами и не разгонишь.

- Мне жаль, - расплывчато сказал Стефано, понимая, что сейчас он не в состоянии внятно выразить словами всю глубину охватившего его сумбурного чувства вины. Жаль, что Дарсии пришлось увидеть то, что она видеть была в принципе не должна. Жаль, что она вообще угодила в эту паутину, отважная маленькая пташка, и теперь с каждым движением только увязала в ней всё прочнее. Жаль, что Стефано не мог оказать ей той единственной помощи, которую она от него ждала. Всё это перепутывалось внутри, скручивалось тугим узлом и невыносимо жгло в груди. А Дарсия продолжала твердить о своей любви, и лишь делала этот жар ещё болезненнее и острее.

- Сколько тебе лет? Осенью ты говорила, тебе четырнадцать? - спросил Стефано, отчаянно выискивая хоть какой-нибудь способ помочь Дарсии, пусть даже только самую малость. Юноша не мог щелкнуть сердцем, как выключателем, и заставить себя полюбить четырнадцатилетнюю девочку - и хоть это и было правильно и логично, и у Стефано были бы к самому себе вопросы, если бы вдруг девочка-подросток заинтересовала его с полноправной силой взрослой девушки, - но это было настолько очевидным, настолько идеально подходящим, почти требуемым ответом, что юноша чувствовал себя почти мерзко из-за того, что он на этот ответ не способен.

Дарсия Давенпорт

Он меня до сих пор не прогнал - так, может, ещё и не всё потеряно?

Продолжая неистово надеяться на чудо, Дарси цеплялась за любой, даже самый ерундовый повод верить в лучшее. В частности, даже и то, что она всё ещё стоит рядом со Стефано, пусть и стоит как-то нелепо, развернувшись к молодому человеку лопатками, тоже было крохотным поводом верить. Дарси ведь до сих пор не услышала, что она просто глупая девчонка, выдумывает себе невесть какие романтические фантазии и этим страшно осложняет юноше жизнь - а наверняка ведь осложнила, когда решила разделить с ним эту проблему на двоих.

И он что, только что сказал, что ему жаль?

Дарси немедленно расшифровала это как признание в том, что она юноше всё-таки не безразлична. Сейчас это носило не совсем тот смысл, какой девочке бы очень хотелось - но, может, этот смысл изменится со временем и превратится в нужный? Когда Дарсия подрастет и станет достаточно привлекательной для взрослых парней. Станет старше. Вот, опять всё упиралось в возраст, и стоило Дарсии об этом подумать, как Стефано тоже заговорил именно об этом. Может, потому, что он и мыслил сейчас примерно так же, как сама девочка?

- Ну, так это когда было. Аж осенью, почти год назад, - многословно возразила Дарси и снова обернулась к Стефано, жадно ловя его взгляд. Юноша этим вопросом, наверняка сам того не зная, подарил девочке такую мощную надежду, что Дарсию почти оглушало ударами взволнованно забившегося в предвкушении наконец-то хороших вестей сердца. - Мне сейчас пятнадцать. С половиной. У меня день рождения зимой, мне скоро исполнится шестнадцать. Это будет лучше? То есть, я хотела сказать, это важно?

Стефано Грассини

По тому, как встrepенулась Дарсия, едва услышав вопрос про свой возраст, Стефано понял, что имел неосторожность снова подарить девочке надежду - впрочем, тут можно было только убить девочку наповал решительным отказом или, наоборот, поощрить ее продолжать бросаться в бой, отказавшись ответить ей пресловутым решительным отказом. Если и существовал возможный третий исход, юноша сейчас не видел способов до него добраться. А это можно было считать равносильным тому, что третьего исхода и нет.

А еще по тому, каким лихим и быстрым был ответ, Стефано догадался, что Дарсия, видимо, и сама неоднократно об этом думала и что в этом направлении у нее более-менее все ходы просчитаны.

- Уже зимой? - удивился Стефано, впервые всерьез вглядываясь в лицо Дарсии и понимая, что в ее лице осталось не так уж много совсем мягких детских черт, что она скоро превратится из девочки в молодую девушку, и продолжать воспринимать ее как ребенка станет не просто сложно - уже невозможно. А ведь казалось, еще так недавно она была забавной угловатой девчонкой, и испытывать к ней что-то горячее мягкой дружеской симпатии никак не получилось бы, даже при всем желании.

- Это будет лучше, - честно сказал юноша. Дарси невольно подобрала первое слово очень правильно, и даже зря исправлялась, подбирая другой, явно не такой удачный способ обозначить тонкую, смутно уловимую значимость ее шестнадцатилетия. - Потому что тогда мы сможем повторить этот разговор уже на полном серьезе, безо всяких "когда" и "если" - если, конечно, ты все еще захочешь об этом говорить, это я тебе обещаю, - говорить, что тогда он ее полюбит было бы, во-первых, слишком громко, а во-вторых, с неуютно большой долей вероятности, еще и враньем. Поэтому, как бы Дарсия сейчас отчетливо ни хотела услышать это обещание - как раз этого Стефано ей пообещать и не мог.

Дарсия Давенпорт

Дарсия слегка порозовела, когда Стефано остановил пристальный взгляд на её лице, но глаз не опустила - сейчас, казалось ей, ни в коем случае нельзя сломаться, сдаться, показать слабость, потому что сейчас, может быть, один из тех дней, в которые всё и решается. Или, если не всё, то уж точно очень многое. Дарсия краснела, заливалась румянцем, но не сводила со Стефано преданных глаз - и ей, воодушевленной тем, что этот разговор вообще ещё продолжается, да почему-то на довольно серьезной ноте, показалось, что юноша что-то заметил в её лице, что-то, что говорило в её пользу. От этой мысли сладко сжалось сердце, и словам юноши Дарси внимала с удвоенным вниманием: вдруг в этих словах сейчас мелькнет подтверждение её безумной, безумной догадки.

И ведь не просто мелькнуло, а обрушилось оглушающей лавиной.

- Ну что ты! Захочу, конечно! Я же, у меня же такая нежность внутри, когда я на тебя смотрю, я не представляю себе, как этого вдруг может не стать, - искренне заверила Дарси, в первый миг разобравшая в словах Стефано только это. Ей казалось, она в юноше увязла крепче крепкого, и с каждым днём вязнет всё крепче и глубже, и даже сопротивляться не пытается, потому что ей непрерывно кажется: самым прекрасным и самым правильным будет утонуть в нём совсем, в этом будет счастье. Это потом Дарси сообразила, что юноша обещает дождаться, когда она повзрослеет, чтобы ещё раз, уже по-настоящему поговорить с ней об этой любви, и ей захотелось завизжать от восторга и броситься Стефано на шею за то, что он её так понял. Ну почему она ему сразу всё не рассказала, может, сейчас всё было бы легче.

- Какой ты хороший! - восторженно сказала Дарси, чудом умирив свой дикий порыв. И, тут же спохватившись, что её восторженное заявление могло прозвучать сомнительно принялась объяснять: - Я имею в виду - кто я тебе, ну я же тебе никто. Ты имел полное право меня не слушать и вообще выгнать. А ты... ну зачем ты такой хороший? - краснея, сказала Дарси. Если бы у неё, как у галлифрейца, было два сердца, она и второе бы сейчас отдала Стефано.

Сколько угодно сердец бы отдала, да жаль, ему совсем не надо.

Стефано Грассини

Дарсия залилась румянцем, но теперь ее глаза снова сияли. Видеть ее такой было привычнее, и правильнее, и спокойнее, чем глядеть на ее горестное лицо, а потом и вовсе смотреть ей только в спину, потому что показывать лицо она стыдится, или боится, или не хочет по иной причине. Пока Стефано не считал, что, начав давать девочке обещания, он совершил ошибку - или, опять же, вдруг здесь можно было только ошибиться в большей или меньшей степени, а совсем избежать ошибок не получилось бы.

Дарсия же продолжала захлеб говорить, и, услышав сорвавшееся с ее губ слово "хороший", Стефано вздрогнул - он моментально догадался, что она скажет дальше, этот вопрос теперь, кажется, прилипал к нему намертво. Сперва к этому вопросу пришла Ирина, а вот теперь до него добралась и Дарсия.

- Я не знаю, почему. Так получилось, - коротко пожал плечами Стефано, все равно не способный ответить на этот вопрос более осмысленно. Зато юноша четко знал, почему он не оставил страдания девочки без внимания, и был готов поделиться этим с Дарсией: - Но я знаю, что ты тоже очень хороший человек. И ты совсем не заслуживаешь того, чтобы тебе было так больно, - заключил Стефано, едва не добавив в конце "тем более, из-за меня". - Мне правда жаль, что я сейчас почти

ничем не могу тебе помочь.

Но, может быть, однажды все изменится, и при взгляде на Дарсию у него тоже будет внутри - *такая нежность*.

Дарсия Давенпорт

- Ой, - чуть слышно выдохнула Дарси, с трудом веря в то, что Стефано взял назвал её хорошим человеком. Даже не "человечком", как мог бы, учитывая нежный возраст девочки, а именно что человеком. Хотя оснований для того, чтобы такое говорить, у него, кажется, совсем не было. Один раз Дарси, да и то больше преследуя собственные интересы, вроде бы помогла ему разобраться с магией Воды - да, в общем, и всё на этом, больше ничем хорошим она ему запомниться, кажется, и не могла.

И всё-таки, на пару секунд девочка почти ему поверила.

Размашисто качнувшись вперёд, Дарси бросилась к Стефано, обхватила его за пояс и уткнулась лбом ему в грудь. Девочка не ждала, что юноша обнимет её в ответ, ей было куда важнее, чтобы он опять понял её и не отогнал, и позволил немного побыть рядом. Не поднимая головы, продолжая прятать лицо у Стефано на груди, Дарси пристыженно и не вполне внятно возразила: - Ты не можешь обо мне так говорить, не можешь, потому что это неправда. Я не такая. Ты очень плохо меня знаешь, ты же почти ничего обо мне не знаешь. Я не такая. Не хорошая, - пробормотала Дарси, умирая со стыда. Ей казалось, лучше всё-таки быть честной, чем носить незаслуженную похвалу - особенно если на этом вдруг что-то выстроится, а потом бац, и придётся всё развалить до основания, потому что в самом основании была ложь.

Стефано Грассини

Видно, Стефано всё же умудрился где-то ошибиться, причём даже не понял, где именно. Юноша ощущал себя идущим по тонкому карнизу, и осознать, что сделал неверный шаг и всё-таки сорвался, можно было уже только в падении. Несмотря на то, что ничего обидного или резкого произнесено не было, Дарсия застыла и побледнела так, словно он выстрелил в неё, - а потом метнулась вперёд, и прижалась к Стефано, и вцепилась в него отчаянной хваткой утопающего. И опять юноша не сумел ни остановить её, ни найти в себе силы сразу же оторвать её от себя, в который уже, едва ли не бесчисленный раз позволяя девочке действовать.

- Ты что? - изумился Стефано. И положил ладони на узкие девичьи плечи, обозначая ответные объятия - недостаточно рьяные и серьёзные для того, чтобы это можно было истолковать превратно и осудить, но достаточно отчётливые и осязаемые для того, чтобы девочка их заметила и почувствовала. Дарсия лихорадочно говорила, выдыхая слова юноше в солнечное сплетение, и из-за этого её сбивчивую речь было непросто разобрать. Но Стефано всё же уловил главное: она себя хорошей не считает, вот в чём корень проблемы.

- Я вижу тебя именно такой, - искренне ответил Стефано и ободряюще погладил Дарсию по плечу. Девочка отпечаталась у него в памяти солнечным золотым лучом, и, думая о ней, Стефано всегда в первую очередь вспоминал её сияющие глаза и бесконечное горячее желание быть чем-нибудь, да полезной. - Не представляю, что я должен о тебе узнать, чтобы это меня переубедило.

Дарсия Давенпорт

Дарси с трудом понимала, что она говорит юноше куда-то в грудь, и что из-за этого он её слышит через раз. Девочка всё продолжала лнуть к Стефано, а он её по-прежнему не прогонял, и это было так невероятно важно. Это была как будто постоянная немая поддержка, которую Дарси непрерывно чувствовала кожей, теперь ещё и в прямом смысле этого слова. Девочка никогда раньше и представить себе не могла, что можно вот так - поддерживать, бездействуя. Разрешать, не произнося ни слова. Даже если бы Стефано не стал с ней разговаривать, но при этом позволял бы ей оставаться рядом, для девочки и это было бы очень много.

А уж когда юноша положил руки ей на плечи, её как будто током пронзило. Дарсия вздрогнула и крепче прижалась к Стефано, обеими руками обнимая его что было сил. Вдруг он скоро исчезнет из её жизни - эта мысль вдруг пришла Дарси в голову, и внутри заколыхался ужас, это же может произойти совсем скоро. Вот вырастет она, и Стефано уже не сможет так же ласково и терпеливо её понимать, а вдруг он и увлечётся ею тоже не сумеет, и тогда всё, конец, и мечте, и сердцу, да всему конец. Так о своём скором шестнадцатилетии Дарси ещё ни разу не думала. С этой точки зрения - вырасти означало едва ли не с жизнью проститься.

- Например, ты не знаешь, какая я трусиха. Ужасная. Наверное, никого более трусливого в монастыре и нет, - горестно сообщила Дарсия, продолжая испытывать терпение Стефано и его хорошее к ней отношение. Сообщила и только потом сообразила, в какую неловкую ситуацию сама себя загнала. Теперь, если юноша промолчит, значит, он с этим согласится, и Дарси непременно помрет со стыда. А если он начнёт её переубеждать и отговаривать... тогда она тем более умрёт, опять же от стыда.

Боже, что теперь делать-то.

Стефано Грассини

- Неправда, - решительно возразил Стефано и чуть крепче сжал плечи отчаянно вцепившейся в него девочки. Юноша действительно знал Дарсию плохо, потому что видел её нечасто и в основном она поворачивалась к нему одной только стороной - без памяти влюблённой девочкой, которой в её любви и море по колено, а без любви и жизнь не мила. И всё же Стефано считал, что он успел разглядеть Дарсию достаточно для того, чтобы судить о названном девочкой недостатке, вернее, о его отсутствии. - Будь ты такая трусиха, какой сейчас себя расписываешь - у нас этого разговора бы не было, потому что ты ко мне подойти побоялась бы. - Дарси же бросилась вперёд как в последний бой, и это, может быть, говорило о её безрассудстве, но уж никак не о трусости. А ещё, припомнил Стефано, девочка довольно уверенно дерзила Ирине, а ещё перед этим - без спросу забралась к ним с Эйнармом в комнату, и это всё тоже явно не от трусости. Упомянуть об этом вслух, правда, юноша посчитал лишним, решив, что и одного только, самого первого примера здесь вполне хватит.

- У тебя другая проблема. Тебе постоянно не хватает уверенности в себе. Но это ещё не делает тебя плохой, да и вообще, это же поправимая вещь, - как можно мягче сказал Стефано. При нём Дарсия успела уже разок обвинить себя в никчемности и бесполезности, теперь вот - в трусости, но всё это, как казалось юноше, на самом деле шло от другой совсем беды. С которой надо бы бороться, а девочка пока всё больше ей печально потакала.

Дарсия Давенпорт

- Ты только не думай, что я пытаюсь сделать так, чтобы ты меня жалел! Я вовсе не

это! - торопливо попыталась оправдаться Дарсия, вдруг сообразив, как ее нытье, должно быть, выглядело со стороны. Ужасно выглядело, как попытка пробить на жалость. Дарси же вовсе ничего такого не подразумевала, но, похоже, именно этого и добилась, хотя только пыталась быть честной, раз уж разговор запетлял так, что об этом речь зашла. Немножко утешало то, что Стефано звучал не столько разжалобившимся, сколько рассудительным. Значит, оставались шансы, что девочка своим заявлением еще не все испортила.

Но лучше, конечно, не портить ситуацию окончательно и не рассказывать, как этот разговор чуть не стоил девочке сердечного приступа.

- Тогда я постараюсь это поправить, - смущенно сказала Дарси. Кажется, она уже один раз юноше что-то подобное обещала. Обещала и не сделала. Вспомнив об этом, девочка смутилась окончательно и выскользнула из теплых рук Стефано. Пока не сказала еще чего-нибудь неподходящего. Чем дальше шел разговор, тем сильнее в девочке крепла уверенность, что она не понимает, о чем ей разговаривать со взрослым юношей, что она ляпает сплошь и рядом неуместные вещи... и, черт, это опять неуверенность в себе, а она же только что обещала этого не делать, и вот опять.

- Спасибо тебе большое, - начала Дарси, осторожно, медленно подбирая слова, чтобы уж хоть тут-то сказать всё как надо и как правильно, - за то, что меня выслушал. Это для меня было очень важно. Мне, наверное, стало немножко легче, - хотя это всё ничуть не отменяло того, что Дарсия по-прежнему не представляла себе, что ей теперь делать и как со своей безответной любовью дальше жить. И ещё Ирина эта рыжая. Она ведь сама по себе не исчезнет наверняка. Придавленная этими вопросами, Дарси попрощалась со Стефано и в скомканных чувствах отправилась домой. Девочке и в самом деле стало чуточку легче, но только самую малость. Глобально ничего этот её отчаянный шаг не решил. Его, можно считать, всё равно что и не было. А ведь как эффектно задумывала, как хвалилась перед Яреци, что пойдёт и всё расскажет.

Ну, и толку-то теперь.
